

Б. А. КАЛОЕВ

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ У МОЗДОКСКИХ ОСЕТИН

Осетины, переселявшиеся, начиная со второй половины XVIII в., из нагорной полосы Осетии в г. Моздок «для развития,— как гласил один из документов того времени,— на удобных землях хлебопашества и скотоводства», образовали в Моздокском районе четыре общества.

Первые осетинские переселенцы — пайта, вплоть до 1870-х гг. составлявшие одно общество, жили в Моздоке и на хуторах, большинство которых находилось на казенном участке № 141, протянувшемся от границ городской земли до р. Кумы и далее. Вторая группа моздокских осетин — ерашты — составляла два общества: Чернойрское и Ново-Осетиновское, каждое из которых имело довольно большой участок земли, простиравшийся от Терека до Кумы. Четвертое общество составляла группа осетин, переселившихся в район Моздока в конце XIX — начале XX в. Они жили в 6—7 км от Моздока на двух хуторах — Веселый и Ново-Георгиевский. Общество это называлось Веселовским. Хутор Веселый находился на участке так называемой «Архиерейской казенной дачи», площадь которой, по сведениям наших информаторов, составляла 300 десятин. Земельный участок этот ежегодно делился между первыми обособившимися на хуторе осетинами, а более поздние переселенцы земли не получали и считались вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции на хуторе «временными». Некоторые из них арендовали участки у помещиков (Рудометкина, Панкратова, Сафонова и др.), зажиточных казаков и Моздокской городской управы. Многие из осетин названных хуторов не имели даже своего приусадебного участка и жили у своих родственников. Не имевшие усадеб не пользовались в обществе никакими правами. «Временный» не имел, например, даже права присутствовать на сельском сходе.

У более ранних осетинских переселенцев, особенно у ерашты, сначала земли было так много, что она не подвергалась переделу между членами общества. З. Сосиев в статье «Станица Чернаярская» писал про ерашты: «В прежнее время, когда относительно количества населения земли было много, общество не стесняло отдельных своих членов в пользовании землею, и тогда существовала самая широкая воляница: каждый пахал и косил, где ему было угодно, пользуясь лишь правом захвата, но с увеличением населения и в виду желания каждого занимать место для эксплуатации ближе к станице или хутору, явилась необходимость ограничить права отдельных лиц в пользовании землею. Первый раз население выехало для дележа пахотной земли и сенокосных участков в 1863 году»¹.

До 1870-х гг. вся земля сельского общества, за исключением приусадебных участков, находилась в общем пользовании ее членов. Дом, хозяйственные постройки, иногда фруктовые сады, тутовые деревья, имевшиеся у некоторых ерашты на приусадебном участке, назывались мульком (имением) владельцев и находились в непосредственном владении отдельных семей. Следует, однако, отметить, что хотя усадебная земля и переходила по наследству, тем не менее она не считалась, например, у ерашты, частной собственностью домохозяина, так как ее нельзя было продавать или передавать по завещанию лицу, не состоящему членом общества ерашты.

Помимо приусадебной земли, осетинские общества ерашты владели четырьмя видами угодий: пашней (*хуымы зах*), сенокосом (*хосы зах*), лесом (*иумоейаг хъоед*) и выгоном (*соерзоет*). Осетины-пайта, жившие на участке № 141, не имели лесных угодий, а в результате захвата хуторских земель помещиками-колонизаторами многие хутора, находившиеся вблизи Моздока, в конце XIX в. потеряли и свои пастбищные угодья. Земельные угодья располагались вокруг или недалеко от села и станицы в определенном порядке. Выгон, как правило, прилегал непосредственно к самому селению; пастбища начинались от выгонной межи, сенокосные угодья располагались недалеко от села между пахотной и пастбищной землями. Леса ерашты находились вблизи их станиц на левом берегу Терека.

¹ З. Сосиев, Станица Чернаярская, «Терский сборник», вып. 5, Владикавказ, 1903, стр. 68.

Выгон считался в общем, нераздельном пользовании всех членов общества и служил исключительно для выпаса скота. Пахотная земля делилась по качеству и месторасположению на отдельные части или клынья, распадавшиеся в свою очередь, на пай или душевные наделы. У осетин-цайта и у последних переселенцев, живших на хуторе Веселом, все виды угодий, за исключением пастбищ, делились по числу душ. По сведениям Сосиева, у ерашти «право на пользование станичными угодьями имеют только обывные души (мужчина с 17-летнего возраста) и вдовы (пользуются $\frac{1}{2}$ паем, а если имеют малолетних сыновей или незамужних дочерей,—полным паем)»².

Каждый имевший пай на все время раздела считался его полным хозяином. Он им распоряжался по своему усмотрению: мог сеять, когда угодно и что угодно, мог и продать пай на год кому-нибудь из членов своего общества. В станицах ерашти, писал Сосиев, «каждый год около $\frac{1}{3}$ пайщиков не пахнут, пай их покупаются за дешевую цену (десятина от 50 к. до 1 р.) теми, кто нуждается в пахотной земле, и таким образом всякому есть возможность обрабатывать земли столько, сколько он может»³.

Срок передела зависел от решения общественного схода. Передел совершали весной, перед началом полевых работ. До передела созывали общественный сход, на котором обязаны были присутствовать представители от каждого двора общества. «Для пользования пахотными землями установлен следующий порядок,—сообщает З. Сосиев,—ранней весной каждого года общество на общественном собрании решает, какой участок следует поделить между общественниками для пахоты под посев ярового хлеба (преимущественно проса) и для бахчей, выделяя для этого два участка; смотря по количеству десятин в наменченных участках, каждый пайщик получает из каждого участка столько, сколько достанется по разделу всей площади на число всех пайщиков в станице. Полученные таким образом пайи остаются в пользовании лиц, их обработавших, в течение трех лет, затем земля идет под пастбу скота, а через три года под сенокос и вновь поступает под пахоту не раньше, как через 7—8—9 лет. Таким образом, под яровой хлеб ежегодно выделяются новые участки, разделяемые вышеуказанным способом на пайи, а прошлогодние участки, уже вновь не переделываемые, поступают иногда под озимь, а чаще всего опять под ярь, причем уже их не пахнут, а сеют «наволоком», т. е. под борону. С поступлением земли под выпас скота значение пая уже утрачивается»⁴. Таков был севооборот и землепользование в станичных обществах ерашти, владевших крупными земельными угодьями.

Передел земли у осетин-цайта, имевших меньше земельных угодий, вызывал большие споры как между отдельными членами общества, так и между хуторами, причем севооборот здесь был не такой сложный, как у ерашти. Посев проса они производили ежегодно на одном и том же участке, что в результате сильно снижало урожайность. Земельные угодья цайта сначала распределяли по хуторам, а затем полученный участок делился между жителями хутора. При разделе пахотной земли обычно и у ерашти, и у цайта родственники и другие члены общества, работавшие на началах супруги, брали общий участок (*цумоейга хай*) и совместно его заплачивали, а после пахоты уже делили по паям и каждый засеивал и убирал свой пай самостоятельно. Сенокосные угодья сначала делили по жребью на несколько больших участков, потом каждый участок распределялся между пайщиками, жившими на одной улице или составлявшими одну родственную группу.

Лесные угодья, как уже отмечалось, среди моздокских осетин имели только ерашти. Осетины-цайта и последняя группа переселенцев, не имевшие своего леса, покупали его у Моздокской городской управы и у помещика Сафонова, владевшего огромными лесными массивами, расположенными недалеко от Моздока по обоим берегам Терека. До 1870-х гг., как указывает Сосиев, в станичных обществах на каждый пай был определен воз дров. Общий сход намечал в лесу определенный участок и устанавливал день рубки. В назначенный день все пайщики общества выезжали вместе на участок и по знаку старшего начинали рубку, при этом каждый старался нарубить как можно больше; в результате на долю пайщиков, которые не смогли по каким-либо причинам выехать в этот день на рубку, ничего не оставалось. В связи с этим общество на своем сходе выделяло новый участок леса, рубка которого совершалась по такому же принципу. После 1874 г., по данным Сосиева, порядок пользования лесными угодьями был изменен. «В этом году,—писал он,—около $\frac{1}{3}$ части всего станичного лесного надела была поделена между всеми пайщиками на 12 лет. Но порядок этот не выдержал срока, так как большинство хозяев преждевременно вырубил свои участки и стали похищать лес из чужих участков, или находились такие, которые, имея еще свои участки, рубили в соседних. Вообще способ этот вызывал много беспорядков, неприятностей, а потому в 1878 году был заменен другим способом пользования... весь юртовый надел разделен на 8 участков. Каждый участок ежегодно делится по длине просеками на 10—12 равных частей; затем измерениями по ширине определяется, сколько сажен достается на каждый

² З. Сосиев, Указ. раб., стр. 69.

³ Там же

⁴ Там же.

пай и на сколько паев можно сдать каждую просеку. Для дележа составляется особый список, где каждый пайщик (в настоящее время лесным паем пользуются только отбывные души и вдовы) записан под особым номером. В день дележа все выезжают к лесу и, условившись, с какой просеки начать дележ, кто-нибудь из общинников вынимает билетики с номерами до тех пор, пока не наберется столько номеров, на сколько паев предполагается разделить данную просеку. Записанные под вынутыми номерами фамилии получают выпавшие на их долю пай. Затем переходят к следующей просеке и т. д. Чтобы удовлетворить желание некоторых жителей иметь смежные пай для совместной работы, заранее в один билетик включаются несколько номеров и таким образом все, записанные под этими номерами, попадают в одну просеку. Группы, попавшие в одну просеку, делят свой участок между собою уже сами, что не представляет никаких затруднений. Если в какой-либо просеке лес окажется хуже, чем в других, что определяется заранее, то в этой просеке на пай нарезаются больше, чем в других просеках»⁵.

Кроме земледелия, у моздокских осетин, главным образом у цайта, было широко развито скотоводство. Хутора и станицы, как правило, нанимали общего пастуха, заключая с ним договор. В станицах это делалось на скоте, а в хуторах на *ныхасе*⁶. Окончательный расчет с пастухом домохозяева производили осенью, когда скот загонялся в зимние стойла. Пастуха *рады кзомгас* (очередной пастух) кормили поочередно владельцы скота по несколько дней, соответственно числу принадлежавших им голов скота. Один обед давался за пастбу одной коровы или двух овец. Расчет с пастухом производили большей частью деньгами. Пастух нес ответственность за утрату скота и за потраву полей. За пропавшую скотину пастух обязан был уплатить хозяйну ее стоимость; то же самое было с потравой полей. Скот содержался на общем выпасе, находившемся, как было сказано, недалеко от селения. У цайта многие хутора, находившиеся близко один от другого, имели общий выпас, на котором содержали весь рабочий и мелкий скот. Для выпаса конских табунов отводилось особое место. В станицах ерашты пастбищные угодья обычно были постоянными, на хуторах же, в частности у осетин-цайта, они, переходя под пахотную землю, ежегодно менялись.

В начале второй половины XIX в. происходит расслоение моздокских осетин, в результате чего, особенно среди осетин-цайта, появляются крупные скотоводы, табунщики, которые, захватывая или скупая за дешевую плату землю хуторян, широко используют труд осетин-бедняков и ногайских кочевников. С появлением богатых скотоводов пределы земли стали сопровождаться горячими спорами, доходившими иногда до драки. Так, например, было на хуторе Дартуй, где крупные скотоводы Тапсиёвы требовали во время передела земли от хуторян выдела большого участка земли под пастбище. Тапсиёвы скупали ежегодно за бесценок землю у большинства хуторян-бедняков, не имевших возможности обрабатывать свои наделы из-за отсутствия у них рабочего тягла и сельскохозяйственных орудий. В конце XIX в. некоторые крупные скотоводы поселились на отдельных хуторах, завладев большими и наиболее плодородными пахотными и пастбищными угодьями. Такими были, например, хутора Сокаев, Колиев и др. Наряду с расслоением, происходит также захват помещиками-колонизаторами земель цайта, кабардинцев и других горских переселенцев, живших на участке № 141. Колонизация земли осетин-цайта особенно усилилась с конца XIX в.

Архивные документы из фондов «Терского областного правления» в Государственном архиве Северо-Осетинской АССР ярко рисуют тяжелое экономическое положение хуторян в результате захвата их земель на участке № 141 казачьей верхушкой, помещиками и кулаками. Осетины и кабардинцы неоднократно подавали прошения на имя начальника Терской области с просьбой вернуть им земли, захваченные колонизаторами. Так, в 1904 г. выборные Пиевского сельского общества осетины Яков Каргинов, Егор Хатаев, Иван Караев и др. в своем прошении в Государственный совет писали: «По воле правительства, выраженной во всемилоостивейшем манифесте, более 150 лет как предки наши, оставив свою родину, добровольно переселились на пустопорожную землю при г. Моздоке, участок под № 141. Затем грамотами ее императорского величества Екатерины II и императора Павла I участок № 141 предоставлен был нам, осетинам, но вот с 1845 года на упомянутый участок № 141 стал предъявлять свои претензии Моздокский казачий полк, и в 1886 году большая часть участка отобрана Терским областным правлением в пользу казаков Терского казачьего войска. Будучи вполне уверенными, что в данном случае войско поступило неправильно и часть казенного дарованного нам участка отобрана незаконно, после чего мы некоторую часть из отобранного участка распахали в 1894 году и сняли урожай, войско подало на нас иск, имея поверенным г. Чугая, но по определению Сената от 21 февраля за № 1095 — 1896 года дело решилось в нашу пользу... Итак, в настоящее время мы обладаем землею половины 141 участка... С незапамятных

⁵ З. Сосиев, Указ. раб., стр. 71.

⁶ *Ныхас* в дословном переводе — речь, беседа; в данном случае — собрание мужчин хутора.

времен мы люди непригодные к коммерции, и если земли не будет у нас в достаточном количестве, то мы с семьями должны погибнуть голодной смертью»⁷.

Таким образом, в конце XIX в. половина земли на участке № 141, на котором находились общинные владения горских переселенцев, в том числе осетин-цайта, была захвачена казаками соседних станиц, помещиками и Моздокской городской управой. Однако колонизаторские стремления этим не ограничились. В начале XX в. казаки, с ведома Терского областного правления, решили прибрать к своим рукам оставшиеся у общинников земли. «По предписанию Терского областного правления,— писали осетины,— в конце июня сего года предполагается размежевка названного выше участка, из коего отрезывалось в дополнительный надел ст. Червленной 3861 десятина, а на части остальной войско думает развести лес; будучи в таком оповещении, мы приступили к скорому изготовлению настоящей просьбы о недопуске такой неправильности»⁸.

В результате захвата земли переселенцев многие осетинские хутора, находившиеся главным образом вблизи Моздока, остались совершенно без земли. Такими были, например, хутора Каирова, Бразделева, Туманова, Бугулова, Медведева, Сенькина и др., земли которых отошли под городской выгон и частично перешли к казакам из станицы Луковской. Городской выгон, на котором находились хутора осетин и кабардинцев, был отдан Городской думой в аренду на десять лет богатому иногороднему купцу Заболотневу, который стал сдавать его в аренду хуторянам за высокую плату.

«Начать с того,— писали осетины и кабардинцы в 1904 г. в своем прошении на имя начальника Терской области,— что городской выгон в количестве десяти тысяч десятин Моздокская городская дума семь лет тому назад отдала в арендное содержание на десять лет иногороднему купцу Заболотневу по 1 р. 50 к. за десятину, всего за двенадцать тысяч рублей из 15,458 дес. и 100 саженей 4-х верстного выгона гор. Моздока. А он эксплуатирует осетин и черкесов, требуя за уступленную землю в арендное содержание по 4 рубля за десятину, за усадьбную землю, на которой построены наши сакли, взимает с нас по 6 руб. за десятину. Кроме того, мы платим иногороднему Заболотневу за выпас на арендуемой им земле по 80 коп. за крупный скот, по 40 коп. за подтелка и по 30 коп. за овцу. Нужно ли после этого не называть, что такое положение нашего быта идет в разрез высочайших повелений, выраженных в грамоте 1799 года, а ведь в таком безвыходном положении мы осетины и черкесы находимся, составляющие Городское общество, более сотни лет»⁹.

Осетины и кабардинцы, жившие в указанных хуторах, неоднократно просили начальника Терской области разрешения переселиться в глубь степи на участок № 141, однако вследствие захвата здесь земель казаками и помещиками-колонизаторами им было отказано и в этом.

Захват земель осетин и кабардинцев и подчинение ряда их хуторов казачьим станичным правлениям по существу привели к распаду сельских общин этих народов. Извлеченный нами из архивов материал ярко характеризует тяжелое и бесправное положение хуторян в рассматриваемое время. Так, например, в одном из прошений на имя начальника Терской области осетины и кабардинцы писали: «Администрация для удобства управления подчинила нас, осетин и черкес, различным станичным правлениям. Указанная мера не принесла желательных результатов, последствия же для нас получились весьма вредные. Для иллюстрации нашего вывода возьмем несколько примеров: родственники везут тело покойника на кладбище, откуда необходимость представления медицинского свидетельства принуждает их отпрапляться в станицу Стародеревскую. Хорошо, если родственники богаты, тогда они имеют возможность без особого ущерба для себя совершить прогулку в станицу Стародеревскую. Но справедливость требует представить и худшее положение и в то же время более частое, а именно, когда родственники покойного бедны: бывают случаи, когда им приходится нанимать подводу для доставления тела покойника на кладбище, и кроме того, беднякам этим приходится отпрапляться в Стародеревскую станицу с целью взять свидетельство. То, что осетину или черкесу, которые лечат своих больных в Моздоке и здесь же хоронят своих покойников, приходится отпрапляться в станицу, находящуюся иногда в почтительном расстоянии, только из-за представления медицинского свидетельства, безусловно глубоко ненормально по существу. Возьмем другой пример, жителю хутора Большой Осетиновский необходимо продать лошадей или быков. Как ему нужно поступить в данном случае? Отправиться в Стародеревское станичное правление засвидетельствовать там, что он является законным владельцем лошадей или быков. Хуторянину нередко приходится исключительно из-за выполнения этой канцелярской формальности оставаться ночевать в станице, боясь, что по пути следования в Моздок его могут ограбить. Провести ночь в станице, где нет ни одного знакомого или родственника, это значит подвергнуться лишнему расходу»¹⁰. В заключение осетины и кабардинцы просили начальника областного правления «собственного общественного правления с правом схода».

⁷ Госархив Северо-Осетинской АССР, ф. Терское областное правление, 1-е распоряд. отд., 1-й стол, св. 187, д. 5456-а, ч. 2, 1904, л. 205.

⁸ Там же, л. 206.

⁹ Там же, л. 83.

¹⁰ Там же, л. 31.

Неоднократные требования осетин и кабардинцев о разрешении им самостоятельного общественного правления вынудили начальника Терской области пойти на уступки. В 1904 г. хутора горских переселенцев, находившиеся на участке № 141, были объединены в три сельских общества, причем каждое общество занимало определенный надел земли. Таким образом, весь участок № 141 одновременно с образованием сельских обществ был разделен на три неравных надела, на каждом из которых находилось соответствующее число хуторов с сельским самоуправлением. Так, первый надел был определен четырем осетинским хуторам: Джикаева, Пиева, Хагаева и Дартуй, с образованием на хуторе Пиева сельского правления. Остальным 24 хуторам были определены остальные два участка с образованием двух сельских обществ и разделением хуторов на две группы — северную и южную. В состав северной группы включалось 16 хуторов: Кизиллов, Большой Осетиновский, Стародымыкин, Богданский, Колиев, Сакаев, Каргинов, Никитин, Лукожева, Тантисов, Грузинский, Абреков, Пшеунетов, Чхеидзе (католический), Цециев, Агабатыр и Тарасов. В южную группу входили: Екатериновка, Туков, Хохлачев, Новый (магометанский), Авалов, Абрамкин (Испиров), Доблетов и Томазов. Сельское правление для северной группы было образовано на хуторе Багданкина, а для южной — на хуторе Авалова¹¹.

В архивных документах подчеркивается, что земли между указанными хуторами «распределены крайне неравномерно: в некоторых приходится не более 3 десятин, в других 4 десятины и максимум — 8 десятин на двор»¹². Такими, например, были хутора Екатериновка, Туков, Хохлачев, Новый, Абрамкин, Авалов, Доблетов, Томазов, Большой Осетиновский и Кизиллов¹³. Богатые осетины-скотоводы и табунщики Дзедзиевы, Колиевы, Хестановы и др., сами проживая постоянно в Моздоке, заняли под хутора значительные участки. Необходимо отметить, что в состав новых сельских обществ входили, наряду с осетинскими, и кабардинские хутора. Кроме того, в некоторых хуторах, входивших в новые сельские общества, население было смешанное. Так, например, хутора Тантисов, Соколов, Лепилин, Губсоков, Томазов, Тарасов и др. были с осетино-кабардинским населением.

Еще в более тяжелом положении находились последние переселенцы, составлявшие, как было сказано, Веселовское общество.

В фондах «Терского областного правления» хранится прошение «временно оседло-проживающих» из хутора Веселый, которое они писали в 1903 г. начальнику Терской области, прося помощи. «Самые беднейшие из нас, — говорится в прошении, — за неимением таковой кукурузы, сбывли свой скот и другое имущество для покупки семян на обсеменение полей и на покупку для той надобности земли, ибо собственной земли у нас нигде пахотной и сенокосной ни малейшего клочка не имеется, через это собственно переселились из гор сюда на плоскость... с целью приписаться здесь коренными, но увы, нам ныне отказано в этом, и мы поставлены теперь в самое затруднительное положение, все временно оседло проживающие в селе Веселом 41 семейство, а также и не имеющие здесь оседлости, находимся в стеснении и в земельном отношении и в других насущных потребностях, средств к жизни мы совершенно не имеем и каких-либо заработков для снискивания насущного куска хлеба»¹⁴.

О тяжелом экономическом положении осетинских переселенцев свидетельствует и документ, относящийся к более позднему времени, а именно прошение, поданное в 1911 г. осетинами из хутора Ново-Георгиевский на имя атамана Моздокского отдела. Оставшиеся в связи с неурожаем в районе «голодными и холодными», они просили помощи и при этом для большей убедительности приложили к прошению подворный список, ярко иллюстрирующий бедственное положение переселенцев.

Приведенные материалы — одна из многих иллюстраций того бесправного положения, которое было уделом нерусских народностей в царской России.

¹¹ Госархив Северо-Осетинской АССР, д. 5456-а, л. 156.

¹² Там же, л. 158.

¹³ Там же, л. 160.

¹⁴ Госархив Северо-Осетинской АССР, 1903, св. 63, д. 1907, л. 1.